

никами УИС по основам профилактической работы (включая выработку минимально необходимых знаний, умений и навыков по основам психодиагностики и психологическому консультированию) с лицами, склонными к аутодеструктивному поведению, в том числе и в рамках курсов повышения квалификации сотрудников УИС на базе Академии МВД Республики Беларусь. Исходя из этого с нашей точки зрения ч. 2 ст. 104 «Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы» УИК Республики Беларусь надо изложить в следующей редакции:

«2. Для осуществления определенных в части первой настоящей статьи целей в исправительных учреждениях организуется правовое, нравственное, трудовое, культурно-просветительное, санитарно-гигиеническое и иное воспитание осужденных, которое осуществляют работники исправительных учреждений, имеющие соответствующую квалификацию».

Мы считаем, что следует активно использовать возможности воспитательного воздействия коллектива на личность посредством привлечения к профилактической работе, проводимой под контролем администрации ИУ, представителей самодеятельных организаций осужденных, о чем высказались 15 % опрошенных сотрудников.

В настоящее время мировой опыт убедительно свидетельствует об определенных успехах, достигнутых в борьбе с аутодеструктивным поведением в пенитенциарных системах зарубежных стран [3]. В связи с этим представляется целесообразным внедрение в комплекс воспитательно-профилактических мероприятий передового зарубежного опыта, где одним из пунктов обязательной для исполнения тюремным персоналом Программы предотвращения суицида в тюрьмах США является размещение лица с повышенным уровнем суицидального риска в одной камере с заключенными, прошедшими полугодовую подготовку по выявлению симптомов аутодеструктивного поведения и профилактике самоубийств. Кроме обеспечения контроля в процессе их взаимного общения аутодеструктивные переживания, как правило, теряют актуальность [3].

Таким образом, основой комплекса воспитательных и психологических профилактических мероприятий по предотвращению и нейтрализации аутодеструктивного поведения в местах лишения свободы выступает прежде всего качественно организованная и постоянно проводимая воспитательная работа, субъектами которой должны быть все без исключения сотрудники учреждений УИС.

Библиографические ссылки

1. Лестер Д., Данто Б.Л. Самоубийство за решеткой. Рязань : Стиль, 1994.
2. Шабанов В.Б., Кашинский М.Ю. Аутодеструктивное поведение в учреждениях уголовно-исполнительной системы: организационные и правовые проблемы : монография. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009.
3. Suicide Prevention Program [Electronic resource] : program statement, 03.01.2004, № 5323.05 / U.S. Department of Justice // Federal Bureau of Prisons. Mode of access: <http://www.amnesty.org.ru/report2005/gbr-summary-rus> (date of access: 28.12.2004).

Дата поступления в редакцию: 06.09.10

УДК 159.9

В.В. Мицкевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь

ЭКСТАЗМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНИКА КАК ЗНАЧИМЫЙ КОМПОНЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

Обращается внимание на возможность учета экстазмических состояний при психологическом портретировании криминальных психопатов на основе развития психологических концепций причин преступности и личности преступника. Рассматривается психологическая сущность экстазмических состояний, переживаемых определенными категориями преступников. Раскрываются основные проявления психологических и поведенческих паттернов криминальных психопатов, отражающих их криминогенную направленность.

Attention is drawn to the possibility of accounting of states of ecstasy at psychological description of criminal psychopaths. The article is based on the psychological theories of the causes of crime and criminal personality. The essence of psychological states of ecstasy experienced by certain categories of criminals is examined. The psychological and behavioral patterns of criminal psychopaths, which reflect their criminal orientation, are described.

Сформулированная А.Р. Ратиновым аксиома, что непосредственные причины и истоки виновного поведения преступника лежат в личности человека, совершившего преступление, плодотворно отражает совпадение исходных положений ученых при разработке психологических концепций причин преступности и личности преступника [4, с. 113].

Многочисленные рассматриваемые в данном ключе научно-психологические теории: «биопсихологические» (Кречмер, Шелдон и др.); «черт личности» (Олпорт, Айзенк и др.); «социально-когнитивного научения» (Саттерленд, Бандура и др.); «психоаналитические» (Фрейд, Бромберг и др.); «эмоциональных проблем» (Монахем, Биртол и др.); «умственной отсталости и душевных расстройств» (Голдарт, Кенделл и др.); «социопатической личности» (Рид, Смит и др.); «социального контроля» (Сайкс, Хирши и др.); «мыслительных моделей» (Иохельсон, Семенов); «Я-концепции и Я-психологии» (Роджерс, Кохут и др.) – не исключают, а, наоборот, способствуют с учетом новых научных открытий развитию «интеракционистских» и новаторских подходов, обосновывающих психологические первопричины преступности и личности преступника, на современном этапе развития общества [4, с. 102].

На постсоветском пространстве с учетом научных традиций и особенностей национальных менталитетов в условиях изжившей к концу XX в. болезни научного роста юридической психологии изучение теоретико-прикладных аспектов указанных проблем плодотворно осуществляется научными школами, возглавляемыми видными учеными: А.М. Столяренко, А.Р. Ратиновым, В.Л. Васильевым, М.И. Еникеевым, В.В. Романовым и др.

Методологическое рассмотрение преступного деяния с позиций криминогенного комплекса непосредственных факторов, его обуславливающих (личность преступника, криминальная ситуация, взаимодействие между личностью и ситуацией), показало, что изолированное изучение личности преступника малопродуктивно. В то же время, поскольку качественно различным видам преступной деятельности всегда соответствуют определенные своеобразные комплексы психических особенностей личности преступника, они постоянно должны быть предметом психологического мониторинга и научного исследования.

В данной статье основное внимание мы уделили возможности портретирования психологических особенностей криминальных психопатов (в иных научных источниках именуемых также криминальными социопатами), преступления которых вызваны личностно не контролируруемыми психологическими проблемами, выражающимися в неспособности человека противостоять импульсам совершения противоправного деяния как приступу исходящих из глубинных, часто индивидуально не осознаваемых потребностей.

Психологический механизм такого поведения заключается в появлении на индивидуальном уровне спонтанно нарастающего ощущения психической напряженности, тревожности, дискомфорта, разрешаемого приемлемыми, с точки зрения преступника, противоправными действиями, вызывающими в итоге у него ожидаемое экстазмическое (в различных источниках – субэйфорическое) состояние, удовлетворяющее в итоге глубинные, гипертрофированные, антисоциальные по сути актуализированные личностные потребности, к которым он стремился. Представляется важным отметить, что органическое поражение головного мозга при этом далеко не всегда обязательно.

В рассматриваемом контексте своеобразным «квинтэссенциальным ядром» психологического механизма выступает взаимодействие неосознанных и осознанных мотивов, протекающих в форме борьбы на эмоционально-чувственном фоне при актуализации отрицательных черт личности в предшествующей конкретному поступку криминогенной ситуации. Укажем, что механизм преступного поведения при этом рассматривается в качестве составной части, своеобразного «наконечника», генезиса преступного поведения, трактуемого, в свою очередь, в широком смысле не только как момент зарождения, происхождения, возникновения, но и как последующий процесс развития, приводящий к определенному результату – преступлению [1, с. 115].

Психологическая же сущность качественно своеобразных и индивидуализированных экстазмических состояний преступника заключается в иступленно-восторженном индивидуальном ощущении своего личностного «Я», всецело охватывающим эмоционально-когнитивную и поведенческую сферы личности. Испытываемые при этом преступником в различных сочетаниях «безграничное блаженство», «растворение» в эйфорической беспечности, нирванической отрешенности, довольстве, восторге, субъективном ощущении телесной совершенности по многим параметрам могут комплексно замещать либо даже превосходить наркотическое, алкогольное, сексуальное личностное удовлетворение вместе взятые. Пережитое экстазмическое состояние обуславливает, в свою очередь, у преступника жесткую психическую зависимость, во многом аналогичную наркотической; порождает иллюзорное ощущение личностной эксклюзивности, убежденности в наличии тайного могущества над судьбами других людей, чувство презрения к окружающим, не исключаящие одновременного переживания чувства стыда, страха и т. д.; «приглушает» на время личностную потребность в экстазмическом состоянии, которая через определенное время вновь и вновь становится необходимой целью жизнедеятельности; снижает уровень личностной тревожности и чувство вины (которое ввиду «срабатывания» механизмов психологической защиты может и не возникнуть). Другими словами, экстазмическое состояние начинает выступать в роли своеобразного манипулятора относительно сознания преступника, позволяя последнему лишь определенное время быть автором и актером своей жизненной пьесы.

Отметим, что в рассматриваемом контексте экстазмическое состояние преступников наряду с указанной выше специфичностью имеет ряд общих черт с экстазмическими состояниями, чаще всего исследуемыми психологами и теологами как феномены религиозного транса, религиозного экстаза. В йоге они обозначаются как «самадхи», суфизме – как «маджзуб» и включают в себя понятия одержимости, неосознанного побуждения, иступленности, ведущих в итоге к достижению трансцендентного уровня сознания.

Наиболее чисто психологический механизм экстазмических состояний срабатывает на уровне проявлений импульсивных расстройств: клептомании, пиромании, патологического стремления к участию в азартных играх – гемблерстве (от англ. *gamble* – играть в азартные игры на деньги), некоторых половых извращениях (эксгибиционизме) и различных эксклюзивных расстройствах, не исключающих психологическую вменяемость и соответственно уголовно-правовую ответственность в случаях нарушения закона.

В более замаскированных формах, включающих, как правило, наряду с импульсивным и осознанное (в том числе мысленно представляемое и планируемое) стремление к переживанию экстазмического состояния, – у серийных маньяков-убийц, различного рода садистов и даже террористов (причем последних посредством применения специальных психотехнологий, не исключающих применение манипулятивных воздействий к реципиентам на фоне применения психотропных транквилизаторов, либо наркотиков можно подвести к реализации психологических установок и достижению экстазмического состояния в нужное инициатору время).

Важнейшим средством в практической деятельности сотрудников силовых структур для эффективного решения конкретных оперативно-служебных задач, при раскрытии преступлений, совершенных вышеуказанными категориями преступников, является их психологическое портретирование (профилирование). Психологический портрет в данных случаях представляет собой избирательно-интегративное, прагматически-целевое описание психических состояний и личностных качеств преступника (социально-демографических, половозрастных, биографических, характерологических и др.), создающих предпосылки эффективного решения конкретных оперативно-служебных задач. Цели составления психологического портрета преступников всегда деятельностно обусловлены: определение психологического своеобразия конкретной личности для нахождения в его психологических характеристиках «слабых звеньев» с последующим правомерным психологическим воздействием; использование отдельных типологических, индивидуально-психологических характеристик и поведенческих признаков для вероятностного прогноза о ближайших намерениях и действиях портретируемого; объективный анализ ситуации преступления на основе выявленных психологических качеств лица, его совершившего; выдвижение версий, направленных на раскрытие преступления, розыск преступника и др.

Приемы составления психологического портрета в правоохранительной практике и основополагающие правила по их реализации в настоящее время достаточно подробно исследованы научной школой доктора психологических и педагогических наук профессора А.М. Столяренко [2; 3]. Различные варианты (от комплексного личностно-психологического подхода к составлению психологического портрета преступника до «структуризации психологического портрета», «профессиональной прагматичности», «использования всех доступных источников информации») позволяют достигать положительных профессионально значимых результатов и должны широко использоваться практическими работниками.

В рассматриваемых нами случаях портретируемой личности криминального психопата с высокой достоверностью могут быть свойственны:

нравственно-психологическая ущербность, сопровождаемая такими акцентуированными личностными чертами, как агрессивность, черствость, замкнутость вплоть до психопатологических отклонений, не исключающих вменяемость;

чрезмерная «социальная правильность» демонстрируемого поведения, обязательное участие в социально значимых мероприятиях, бесприкословное (до угодливости) подчинение требованиям руководства, ограниченное употребление (либо исключение) алкоголя, демонстративная приверженность общепринятым социально-культурным, семейным ценностям, а также тщательно скрываемое «интеллектуальное превосходство» над окружающими;

проявление в поведении портретируемого феномена «оборонительной доминанты»: спонтанного, психофизиологического возбуждения коры больших полушарий мозга, как результата совершенного преступления, обуславливающего трудно контролируемую поведенческую, эмоциональную и мыслительную активность преступника. В сочетании с пониманием преступником грозящей ему опасности – раскрытия преступления – «оборонительная доминанта» вынуждает его неосознанно совершать комплекс действий, поступков, которые можно отследить, зафиксировать и интерпретировать как его демаскирующие признаки. Конкретные примеры своеобразного срабатывания «оборонительной доминанты»: чрезмерный интерес к ходу расследования; предложение сотрудникам ОВД своей помощи; поиск информации в интернете, СМИ; возвращение на место преступления; спонтанный рассказ о фактах, относящихся к расследованию преступления, случайным слушателям; необъяснимое с ра-

циональной точки зрения в ряде случаев участие в похоронах жертв преступления, посещение мест захоронения и др.

В характере портретируемой личности скорее всего будет доминировать шизоидная акцентуация. Наиболее существенные черты: замкнутость, болезненное самолюбие, демонстративное внешнее безразличие к окружающим, плохое понимание эмоциональных состояний других людей, неумение выразить и проявить сочувствие (отсутствие эмпатии); склонность к отвлеченным размышлениям, фантазированию, проявлениям отчужденности, честолюбия, эгоизма и властности, сухости в выражении эмоций и чувств. Как правило, таких людей не любят в коллективе.

Другими словами, одно из наиболее вероятных направлений поиска криминального психопата – «серая мышка», «анакорет», «человек в футляре», социально и материально в должной мере не обеспеченный, не состоявшийся как признанный специалист, семейная лодка которого либо разбилась о быт, либо фигурант одинок. Такой личности могут быть свойственны согласно афишируемым причинам такие социально допустимые характерологические черты, как педантичность, аккуратность и склонность к собирательству и коллекционированию.

Среди характерологических черт, как возможно доминирующих и значимых для формирования версий по розыску и выявлению рассматриваемых категорий преступников, отметим проявляющиеся у них по отношению к предметам материального мира такие качества, как бережливость и скупость, точность и расчетливость.

Используя известное психологическое положение о высокой взаимной корреляции и взаимосвязи определенных психологических черт, можно предположить, что портретируемым также свойственны жадность (желание застраховать себя в материальном отношении на будущее), конформность (желание не быть «белой вороной», «не высываться»), недоверчивость и осторожность в межличностных контактах (как бы чего не вышло), а в итоге – трусость.

При этом портретируемые скорее всего не будут обладать такими характерологическими качествами, как самоотверженность и щедрость, инициативность, решительность, смелость, проявляемых в конкретных поступках.

Понятно, что приведенный комплекс личностных качеств не служит безусловной аксиомой, но их доминирование очевидно, что может быть учтено при психологическом портретировании.

В связи с резким возрастанием числа психических расстройств среди населения Республики Беларусь (в 2001 г. зарегистрировано немногим более 25 тыс. случаев выявленной заболеваемости психическими расстройствами, а в 2009 г. – уже около 50 тыс., что и обусловило принятие парламентом во втором чтении закона Республики Беларусь «Об оказании психологической помощи») возникает и вполне обоснованное предположение о соответствующем росте количества преступников рассматриваемой нами категории. Соответственно возникает необходимость углубленного изучения особенностей проявления социальных и поведенческих паттернов лиц, страдающих импульсивными расстройствами, стремящихся в период обострения к достижению экстазмического состояния посредством совершения противоправных деяний.

Библиографические ссылки

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1984.
2. Прикладная юридическая психология : учеб. пособие для вузов / под ред. А.М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
3. Столяренко А.М. Психологические приемы в работе юриста : практ. пособие. М. : Юрайт, 2000.
4. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.

Дата поступления в редакцию: 12.10.10

УДК 159.9:34

А.Н. Пастушеня, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь

УРОВНИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА И ИХ УЧЕТ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматривается структурная организация отражательно-регулятивной психической деятельности, детерминирующей социальное поведение индивида, в том числе преступное. Структурные уровни отражательно-регулятивных процессов выделены в диапазоне «сознание-подсознание». В качестве таких уровней рассматривается интеллектуальная, эмоциональная и импульсивная регуляция поведения. Раскрываются функциональные особенности каждого из этих уровней психической деятельности, их взаимосвязи в целостном отражательно-регулятивном процессе, факторы, влияющие на доминирование одного из уровней, в том числе личностные предпосылки.